

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

МЫСЛИ О
ЛЮДЯХ

Часть сборника: Веселая ночь (сборник)

Чарльз Диккенс
Мысли о людях

«ЭКСМО»

1836

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

Диккенс Ч.

Мысли о людях / Ч. Диккенс — «Эксмо», 1836

«Удивительно, с каким равнодушием относятся в Лондоне к жизни и смерти людей. Человек не вызывает ни в ком ни сочувствия, ни вражды, ни даже холодного любопытства; никто, за исключением его самого, им не интересуется. Когда он умирает, нельзя даже сказать, что его забыли – ведь никто не вспоминал о нем при жизни. В нашей великой столице существует многочисленный разряд людей, у которых, по-видимому, нет ни одного друга и до которых, очевидно, никому нет дела. Когда-то, движимые нуждою, они отправились в Лондон в поисках работы и средств к существованию...»

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

© Диккенс Ч., 1836
© Эксмо, 1836

Чарльз Диккенс

Мысли о людях

© Беккер М., перевод на русский язык. Наследники, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Удивительно, с каким равнодушием относятся в Лондоне к жизни и смерти людей. Человек не вызывает ни в ком ни сочувствия, ни вражды, ни даже холодного любопытства; никто, за исключением его самого, им не интересуется. Когда он умирает, нельзя даже сказать, что его забыли – ведь никто не вспоминал о нем при жизни. В нашей великой столице существует многочисленный разряд людей, у которых, по-видимому, нет ни одного друга и до которых, очевидно, никому нет дела. Когда-то, движимые нуждой, они отправились в Лондон в поисках работы и средств к существованию. Все мы знаем, как тяжело разрывать нити, связывающие нас с родным домом и с друзьями. Но еще тяжелее вычеркивать из памяти тысячи воспоминаний о счастливых днях прошлого, воспоминаний, которые в течение многих лет дремлют в нашей груди, пробуждаясь лишь для того, чтобы вызвать перед нашим мысленным взором образы покинутых друзей, картины, по всей вероятности представшие перед нами в последний раз, или надежды, которые мы некогда лелеяли, но не смеем питать ныне. Однако, к счастью для самих себя, люди, о которых идет речь, давно выбросили подобные мысли из головы.

Земляки их все умерли или разъехались, знакомые, с которыми они прежде вели переписку, затерялись, подобно им, в шуме и сутолоке какого-нибудь большого города, а сами они постепенно впали в состояние тупого смирения и безразличия.

Несколько дней назад, когда мы сидели в Сент-Джеймс-парке, наше внимание привлек человек, которого мы тотчас причислили к этому разряду. Это была высокая, худощавая, бледная личность в черном сюртуке, узких серых панталонах, коротких тесных гетрах и коричневых касторовых перчатках. Несмотря на прекрасную погоду, в руках у него был зонтик – очевидно, каждое утро, отправляясь на службу, он по привычке брал его с собою. Человек прогуливался взад и вперед по краю небольшой зеленой лужайки, где сдаются напрокат стулья, но казалось, что делает он это не для своего удовольствия, а по необходимости – совершенно так же, как шагает по утрам в свою контору из глухих закоулков Излингтона. Был понедельник, он на целые сутки сбросил с себя иго конторы и прогуливался здесь для моциона и развлечения – быть может, впервые в жизни. Нам пришло в голову, что у него никогда прежде не было свободного времени, и теперь он не знает, что с собой делать. Дети играли на траве; гуляющие, смеясь и болтая, проходили мимо, а человек степенно шагал взад и вперед, не замечая никого, не замечаемый никем, и его изможденное бледное лицо, казалось, не в состоянии было выразить ни любопытства, ни интереса к окружающему.

Мы подумали, что по поведению и внешности этого человека можно представить себе всю его жизнь, или, вернее, любой из его дней, ибо у таких, как он, один день ничем не отличается от другого. Нам показалось, будто мы видим перед собою тесную захудалую контору, куда он входит каждое утро, видим, как он вешает свою шляпу всегда на тот же гвоздь, привычным движением ставит ноги под письменный стол, предварительно сняв с себя черный сюртук, который он носит круглый год, и надев вместо него тот, который служил в прошлом году, а теперь хранится в столе, чтобы не истрепался новый. Здесь он сидит целый день, до пяти часов, и работа его так же однообразна, как громкое тиканье часов на камине, как и все его существование. Он поднимает голову только тогда, когда кто-нибудь входит в контору или когда, производя какой-нибудь особенно сложный расчет, он обращает свой взор к потолку,

словно там, в пыльном окошке с зеленым пузырем посередине каждого стекла, таится вдохновение. Около пяти или половины шестого он медленно слезает со своего неизменного табурета и, снова сменив сюртук, отправляется обедать в свою излюбленную кухмистерскую где-то возле Баклерсбери. Официант доверительным тоном – как постоянному клиенту – пересказывает ему меню, и, предварительно осведомившись: «Что бы выбрать получше?» или «Нет ли чего посвежее?», он заказывает полпорции ростбифа с овощами и полпинты портера. Сегодня он берет полпорции, потому что овощи на целый пенс дороже картофеля и к тому же вчера он брал «два хлеба», а позавчера позволил себе дополнительное излишество в виде «одного сыра». Уладив этот важный вопрос, он вешает шляпу – он снял ее, когда садился за стол, – и заручается правом читать газету после соседа. Если ему удастся получить газету во время еды, он обедает с гораздо большим аппетитом. Тогда, прислонив газету к графину с водой, он заедает каждые две строчки куском жаркого. Ровно за пять минут до истечения обеденного часа он достает шиллинг, платит по счету, аккуратно прячет сдачу в жилетный карман (предварительно отложив пенни для официанта) и возвращается в контору, откуда (если только в этот вечер не поступает заграничная почта) через полчаса выходит снова. Теперь он обычным ровным шагом отправляется домой в свою маленькую каморку в Излингтоне, где пьет вечерний чай, быть может развлекаясь за едою болтовней с сынишкой квартирной хозяйки, которого он изредка награждает пенни за решение простейших задач на сложение. Время от времени ему приходится отнести одно-два письма к своему патрону на Рассел-сквер. В таких случаях богатый коммерсант, услышав его голос, кричит из столовой: «Пожалуйста сюда, мистер Смит!» – и мистер Смит, положив шляпу на пол возле одного из кресел в прихожей, робко входит, а когда ему снисходительным тоном предлагают присесть, садится как можно дальше от стола, старательно подобрал ноги под стул, и пьет херес, налитый ему старшим сыном хозяина, после чего, пятясь, выскальзывает из комнаты в состоянии нервного возбуждения, которое не проходит до тех пор, пока он снова не оказывается на Излингтон-роуд. Эти жалкие, безобидные существа довольны, но не счастливы. Надломленные и смиренные, они, быть может, не испытывают страданий, но зато не знают и радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.